

УДК 81'37

К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБЫДЕННОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА¹

Статья посвящена изучению наивной географической картины мира. Материалом исследования выступают «наивные» карты России, созданные информантами нескольких российских регионов. Лингвосомиотический подход к описанию материала позволил получить результаты, основанные на анализе двух кодов: графического (расположение, размер топоном и др.) и вербального (вербализованные представления). В результате проведенного исследования получены новые знания о значимости регионального фактора, соотношении природного и социального, своего и чужого мира и мн. др. в обыденном сознании.

Ключевые слова: обыденное сознание, наивная картина мира, наивная картография, когнитивное геокартирование, графосемантическое моделирование, Семозграф, лингвосомиотика.

Обыденное сознание как «совокупность представлений, знаний, установок и стереотипов, основывающихся на непосредственном повседневном опыте людей и доминирующих в социальной общности, которой они принадлежат» [Психология 1990: 247] представляет несомненный интерес в качестве предмета исследования для широко спектра наук, а также практической деятельности в сфере маркетинга, рекламы, политики, безопасности, информационных технологий и др. Понимание сложности (нетривиальности) феномена обыденного сознания и относящихся к нему многообразных картин, образов и моделей мира² и осознание значимости языкоречевой реальности в непрерывных процессах отбора, сохранения и трансляции концептов / концептосфер обыденного сознания позволяет современной лингвистике не только выходить на уровень решения конкретных прикладных задач, но и выполнять функцию парадигмальной науки. Парадигмальность в данном случае реализуется в тех исследовательских программах, которые лингвистика может предложить (и предлагает) другим наукам.

Текстовая проекционность / воплощенность обыденного создания (и сам феномен его текстуальности) делает актуальной проблему поиска,

отбора, совершенствования методов релевантного (предметным областям) извлечения знаний из текстового материала, в том числе и в аспекте text mining. При этом проблематика, учитывающая «человеческий фактор», представляет особый интерес не только для гуманитарных и социальных наук, но даже для естественнонаучной парадигмы, в частности для географической науки, для которой антропоцентрический подход может становиться основой рассуждений о пространстве. Актуальными в географической науке сферами исследования становятся пространственные представления разного типа – от тех, которые базируются на особенностях индивидуальных когнитивных процессов, до основывающихся на межсубъектных и даже архетипических элементах человеческой психики (см. работы по когнитивной географии, гуманистической географии, «новой культурной географии», общественной географии, гуманитарной географии и подобное [Гирц, 2004; Замятин, 2003; Замятин, Замятина, Митин, 2008; Cosgrove, 2008; Duncan, Duncan, 1989; Kitchen, 1996; Tuan, 1976]. Центральную позицию в данных работах занимает не столько объективное пространство, сколько рефлексирующее о пространственных реалиях сознание и особенности процесса пространственной рефлексии. Даже картография, призванная объективно отображать пространственные реалии, основана на перекодировке пространства в виде иконических знаков, организуемых политической логикой, экономическими правилами и другими социальными надстройками человекообразного мира, т.е. в отношении пространства семиотична даже констатация.

Для настоящего исследования важно, что пространственная рефлексия именно как деятельность архетипична, т.к. ставит человеческое соз-

¹ Исследование выполнялось при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-04-12034в) и Министерства образования и науки (Государственное задание ОГУ, проект № 8.2714.2011).

² «...наивная модель мира отнюдь не примитивна. Во многих деталях она не уступает по сложности научной картине мира, а может быть, и превосходит ее» [Апресян 1995: 630] или «Как нам представляется, повседневное мышление не менее разумно в смысле целерационально (адаптивно), как и его эйдетические формы, различие их коренится не столько в познавательной установке, сколько в способах познания мира» [Куликов 2012: 17].

вание перед необходимостью заполнения гипотетической пустоты, похожей на недифференцированное мифическое Первопространство. При этом человек опирается на собственные ментальные ресурсы, определяя конкретные черты описываемого локуса. Особенно активными эти архаические элементы психики становятся в деятельности непрофессионалов. Если профессиональная рефлексия о пространстве – в рамках географического, геополитического, картографического и т.п. дискурсов (и дисциплинарных научных картинах мира), – прежде всего, обуславливается мотивами, – целями и задачами конкретного научного исследования или практикоориентированной деятельности, – осознаваемыми актантом в качестве объективных, выходящих за рамки его личных представлений о мире, то непрофессиональное осмысление пространства подчеркнуто лично и по сочетанию сознательных и бессознательных интенций сопоставимо с творческим актом – действием, предполагающим создание «новой земли и нового неба». Наша аналогия становится тем правдоподобнее, чем меньше данная непрофессиональная рефлексия имеет рациональных целей, лежащих за пределами процесса описания пространства.

Предметом исследования становятся результаты именно такой непрофессиональной рефлексии, пространственный дискурс вне четкого экстрадискурсионного контекста, объясняющего целесообразность его появления. Воссозданное таким образом пространство, конечно, обладает чертами его создателя, т.к. процесс осмысления пространства невозможен вне деятельностного и социального контекстов, вне индивидуальной семиотизации. Каждое в отдельности представление пространства, конечно, может дать информацию только о богатстве / бедности знаний, представлений, фантазии, внутреннего мира отдельного человека, но в большой совокупности подобные результаты обретают статус пространственного дискурса, актуального для современного состояния массового сознания, что имеет несомненную гносеологическую и праксиологическую ценность.

В данной работе в центре нашего внимания оказывается воссозданное массовым сознанием пространство России в соотношении его с непосредственно граничащими государствами-соседями. Для любого исследования важно качество первичного анализируемого материала, потому необходимо организовать сбор информации таким образом, чтобы материал был однородным (был бы создан в одних условиях и в нем исполь-

зовались бы сходные семиотические средства), максимально свободным от влияния действий самого исследователя и давал наибольшее возможное количество информации. На наш взгляд, оптимальным способом сбора материала для исследования пространственного дискурса является эксперимент, ориентирующий испытуемых на визуализацию собственных пространственных представлений. Нами был разработан эксперимент, удовлетворяющий обозначенным требованиям получивший название «когнитивного геокартирования».

Пространственные коды репрезентируют информацию, для выражения которой недостаточно средств естественного языка (ср. «Элементарной пространственной моделью мира является обычный рисунок – картинка, отображающая, что, как и каким мы видим вокруг себя. Именно картинка дает нам простейший пример «неприспособленности» естественного языка для точного воспроизведения окружающей человека среды» [Рахилина 1999: 18]). Потому в основу эксперимента легло графическое воспроизведение пространственных представлений информантов.

Описание эксперимента «Когнитивное геокартирование».

Ход эксперимента.

Группе респондентов выдавался лист формата А3 и предлагалось задание: на основании собственных знаний и представлений нарисовать карту России. При этом было необходимо:

1) отметить на карте наиболее важные с точки зрения информанта географические объекты России (под географическими объектами понимались любые объекты, наносимые на географические карты);

2) отметить страны, с которыми, по мнению информанта, граничит Россия;

3) возле всех нанесенных на карту географических объектов записать собственные ассоциации и/или представления, связанные с данными объектами.

О себе информанты сообщали следующую информацию: пол, возраст, сфера занятости, регион, город (пример карты, полученной в процессе эксперимента по когнитивному геокартированию, см. на рисунке 1). Время проведения эксперимента не ограничивалось. Обработка результатов эксперимента осуществлялась с помощью Информационной системы графосемантического моделирования Семограф (<http://семограф.рф>) [Баранов 2011], созданной для решения задач в области обработки / анализа текстов, текстовых выборок / корпусов (подробнее см.: [Белоусов 2008, 2009, 2010]).

А тот факт, что в центре эксперимента находится пространство России, обусловило и эмоциональную вовлеченность информантов в процесс воссоздания пространства. В силу указанных причин мы полагаем, что результаты нашего эксперимента имеют большую информационную ценность, чем результаты опросов, ассоциативных экспериментов и подобных способов исследования пространственных представлений, существующих на сегодняшний день, потому что игровая деятельность минимизирует искусственность ситуации эксперимента и нейтрализует ее серьезность (которая автоматически «включает» защитные механизмы психики), а сочетание двух типов знаковых систем позволяет эксплицировать сведения, которые сложно перекодировать с помощью средств естественного языка.

Созданное с «чистого листа» пространство, с опорой лишь на собственные знания и представления, без внешних образцов и целеполагания, не равно пространству, описываемому географами и картографами, а представляет собой отпечаток массового геосознания, что позволяет воссоздать географию пространственных представлений, состояние современного пространственного самосознания россиян. В силу того, что информация о пространстве, передаваемая с помощью графического и вербального кодов, зависит от социального статуса информанта, уровня его образования, профессиональной деятельности, гендера, территории проживания, возраста и др., обобщение собранного материала дает возможность эксплицировать пространственные представления представителей разных общественных групп.

Осмысление особенностей пространства России, ее пространственного образа в сознании россиян и иностранцев стало актуальным в лингвистической науке. Ученые рассматривают данную проблему с самых разных сторон. В частности, с разных сторон реконструировался концепт РОССИЯ (как фреймовая модель [Белоусова 2010], как составляющая российской медиа-среды [Кашина, Дмитрикова 2009; Нахимова 2009], как часть политического, социального, культурно-исторического дискурсов [Кашина, Дмитрикова 2009; Линкова 2010; Ощепкова 2008; Ярулин 2005], как участник диалога разных культур [Калашникова 2009; Красильникова 2007; Куданкина 2006; Литвинова 2009]. Особое внимание ученые уделяли методологическому аспекту воссоздания образа России [Тарасов 2006]. Однако наш подход отличается именно то, что информация, полученная при помощи когнитивного геокартирования, при

достаточно большом количестве респондентов, может дать материал для исследования концепта «Россия» в его самых разнообразных, актуальных для современного состояния общественного сознания, ракурсах.

В данной статье мы представим некоторые первичные результаты анализа полученного материала. В эксперименте по когнитивному геокартированию принимали участие студенты очной (18-22 лет) и заочной (18-56 лет) форм обучения из г. Оренбурга (114 карт), г. Перми (15 карт), г. Барнаула (15 карт), г. Бийска (100 карт)¹. Всего было получено 244 карты. Признавая тот факт, что для воссоздания многообразной и объективной информации о современном состоянии массового геосознания России необходимо продолжать трансляцию эксперимента и увеличивать количество реакций, мы утверждаем репрезентативность нашей выборки для промежуточных обобщенных выводов и для демонстрации метода исследования. Анализируемые карты были созданы представителями двух частей страны, разделенных Уральскими горами, – Оренбурга и Перми, с одной стороны, и Барнаула и Бийска, с другой. Европейская и азиатская части страны традиционно противопоставляются друг другу в рамках российского пространственного дискурса, потому анализ результатов пространственной рефлексии представителей указанных регионов, на наш взгляд, дает возможность выявить основные особенности геосознания современного общества в единстве его противоречий. Полагаем, что первичную интерпретацию материала, сочетающего коды двух знаковых систем, целесообразно делать в виде параллельного декодирования в рамках каждой из систем. Так, мы сначала остановимся на графическом коде, после чего перейдем к вербальному компоненту карт.

Первым значимым признаком графического уровня анализируемого материала является **количество объектов** на картах. Под **объектом** здесь понимаем изображение какой-либо реалии, которую можно «распредметить» (изображение имеет денотативное содержание). Причем на данном этапе объектами мы полагаем как изображения, поддержанные вербальным сообщением (наименованием объекта и связанными с ним представлениями / ассоциациями), так и часть изображений, не имеющих вербальных описаний (напри-

¹ Эксперимент в г. Бийске проводился О.А. Сычевым, в г. Перми Л.А. Грузберг. По материалам эксперимента в г. Перми опубликована работа [Грузберг 2010].

мер, множество пиктограмм хвойных деревьев, нанесенных в пространстве карты, обозначаемой как Сибирь, в своей совокупности интерпретированные нами как тайга). В то же время изображения, за которыми нельзя установить денотативное содержание, рассматриваются как семиотический шум. В качестве объектов выступали страны, города, дороги, регионы, реки, горы, леса (тайга, лес), моря и под.

В среднем информант заносит на карту 23,95 объектов (244 ии. отметили 5842 объекта), а максимум реакций (мода) приходится на выделение 18 географических объектов. При этом респонденты из разных регионов показывают сходные результаты: бийчане и оренбуржцы выделяют в среднем по 23 объекта (данные, полученные от барнаульских и пермских респондентов, предварительны в силу малого объема выборок).

Прежде всего, информация о распределении объектов на картах еще раз подтверждает наш тезис о репрезентативности выборки: объем исследованного материала позволяет охарактеризовать основные особенности геосознания россиян. Но с другой стороны, эти сведения дают возможность делать первые выводы о чертах реконструированного пространственного дискурса и сознания, его создающего. Сравнительно небольшое количество отмечаемых на картах объектов свидетельствует не столько о невысоком уровне географических знаний, продемонстрированных респондентами (мы не ставили своей целью проверку образованности испытуемых), сколько об избирательности рефлексированного о пространстве сознания и подчеркнутой индивидуально-ценностной ориентации получившегося пространственного дискурса. Испытуемые, в силу необходимости согласовывать две знаковые системы в процессе своей деятельности, были поставлены в условия, в которых структура создаваемого изображения обуславливалась не желанием продемонстрировать максимум знаний, а интенцией наиболее адекватного воплощения своего представления о мире. Основными конструктивными принципами в данных условиях становятся внутренние законы соразмерности, гармонии и достаточности (на завершающем этапе эксперимента были нередки реплики, свидетельствующие о соответствии полученного результата внутреннему образу изображаемого пространства, например, «ну, достаточно!»). При обобщении результатов подобная ценностная избирательность дает возможность интерпретировать все изображенные объекты не только в качестве значимых в картине мира рес-

пондента, но и как необходимые и достаточные для оптимального функционирования страны с точки зрения саморефлексии массового геосознания. Все обозначенные пространственные реалии являются важными и обуславливающими состояние гармонии и внутреннего комфорта населения, а остальные – не только неважны, но не существуют вообще. Группировка подобных «несуществующих зон» может дать основания для альтернативной дифференциации пространства России – с точки зрения регионального массового сознания, что позволит определить и причины – экономического, социального, мировоззренческого порядка – «исчезновения» таких областей из картины мира населения страны.

Еще один важный для интерпретации параметр графического уровня полученных когнитивных карт – *типы* выделенных респондентами *топоном*.

Полученные данные свидетельствуют о доминировании социальных топоном над природными. В то же время доминирующие типы социальных топоном не отличаются разнообразием: на «город» и «страну» приходится 14 объектов из 16, наносимых на карту. Чаще других встречаются следующие города: Москва (1,0) – встречается на всех картах, Санкт-Петербург (0,73¹), Владивосток (0,37), Сочи (0,28), Екатеринбург (0,27), Калининград (0,23). На усредненной карте респондент выделяет 6 стран-соседей, наиболее частотные из которых (в порядке убывания частоты): Казахстан, Китай, Украина, Монголия, Япония и Белоруссия.

Из природных топоном наиболее частотны (приводим данные по усредненным картам):

– реки (1,64): Волга (0,24), Урал (0,19), Обь (0,18), Лена (0,15), Енисей (0,13), Амур (0,12), Ангара (0,05) и др.;

– моря (1,03): Черное море (0,43), реке Балтийское (0,08), Баренцево (0,06), Охотское (0,06), Азовское (0,05), Белое (0,05), Японское (0,04) и др.;

– горы / горные цепи (0,65), в основном, представлены Уральскими горами (0,45), которые встречаются на каждой второй карте и др.;

– озера (0,64): оз. Байкал (0,41), Каспийское море (0,14) и др.;

¹ Цифра в скобках отражает встречаемость данного объекта на «усредненной» карте. Например, значение 0,73 отражает факт присутствия г. Санкт-Петербурга на 73 случаях на 100 карт.

– океан (0,41): Северный Ледовитый океан (0,25), Тихий океан (0,1) и др.;

– полуострова (0,5): Камчатка (0,26), Аляска (0,06), Чукотский полуостров (0,05), п-ов Таймыр (0,05), Кольский п-ов (0,03), п-ов Ямал (0,02), п-ов Крым (0,01) и др.;

– острова / архипелаги (0,43): Сахалин (0,2), Курильские острова (0,1), Новая Земля (0,05) и др.

Большее разнообразие природных топономов и количественное доминирование социальных – примета, характеризующая типичное пространственное миропонимание современного человека. Природные топономы очень слабо вовлечены в жизненное пространство представителя современной цивилизации, их разнообразие относительно – оно заметно только в сопоставлении с практически абсолютной недифференцированностью социального пространства. Обозначенные природные топономы можно считать «базовыми», они не компенсируют небольшую представленность природных реалий на картах, не свидетельствуют о дополнительной заинтересованности в них при объективном малом влиянии на повседневное бытие, как могло бы показаться. Они, скорее, выполняют функцию противовеса социальному пространству, на уровне «пространственного здравого смысла» заполняют лакуны в человекообразном мире.

Основу же карт составляет упорядоченное людьми пространство, состоящее, в основном из городов и стран. Так, респонденты, очевидно, предпочитают мир, структурированный в соответствие с требованиями цивилизации, тем не менее, демонстрируют исключительно потребительскую позицию по отношению ко всем элементам цивилизационной деятельности, фиксируя лишь обобщенные знаки, связанные с общим пониманием «городской жизни». Дифференциация пространства, указывающая на интерес к экономической, производственной, культурно-исторической жизни страны очень незначительна.

Заметим также, что социальные топономы, «отвечающие» за связность пространства, – автодороги, железные дороги и авиасообщения (иных коммуникационных средств не было отмечено) – встречаются крайне редко, их суммарная встречаемость равна единице на каждой 25-ой усредненной карте. Таким образом, пространство России на уровне социальных топономов предельно дискретно (наиболее частотный знак – точка, обозначающая город). Отдельные части пространства не связаны друг с другом с помощью социальных

топономом. Связность географического пространства обеспечивают природные топономы, в первую очередь, реки.

Еще один важный параметр – *размеры объектов*. В первую очередь, представляют интерес разного рода несоответствия размеров объектов, нанесенных на картах, действительному положению дел. Из всего множества «несоответствий», создающих варианты геополитического пространства России, на наш взгляд, наибольшего внимания достоин тот факт, что Россия всегда расположена в центральной части пространства карты. По размерам пространство страны может занимать до 90-95 % от всего отмеченного информантом геополитического пространства.

В то же время гипертрофированные размеры России в большинстве карт имеют слабую заполненность объектами, особенно азиатская часть страны. На многих картах в этой части пространства отмечаются только природные объекты (оз. Байкал и тайга, а также иногда такие вербальные характеристики, как «леса, рыба»; «нефть, газ»; «степи, холод»; «нефть, тайга, холод»; «богатство России, начиная от леса и заканчивая полезными ископаемыми»); частотны карты, на которых пространство Сибири и Дальнего Востока не заполнено ни одним объектом (например, информант охарактеризовал азиатскую часть страны фразой «Что здесь находится, я вообще не знаю»). В то же время отсутствие объектов на территории Сибири и Дальнего Востока не мешает респондентам считать их «своими» и видеть угрозу, исходящую от стран-соседей, направленную на недружественную экспансию территорий (например, топоним Сибирь сопровождается характеристикой «хотят у нас украсть китайцы»).

Регион своего проживания видится информантам *большим* по размерам, чем в действительности. Преувеличение размеров региона говорит о региональной точке зрения информанта. Интересно в этом отношении также *расположение* и маркирование *объекта* как центра и / или периферии на создаваемой карте. В физическом центре карты, как правило, изображается регион проживания респондента. Удаленность же от географического места проживания находится в прямой зависимости от искажения реального геополитического пространства. Так, региональность восприятия проявляется в гиперболизации значимости соседних регионов и стран, находящихся в непосредственной близости к региону проживания информанта. Например, в г. Оренбурге информанты изображали Казахстан по размерам

превышающим Китай, а в Алтайском крае, граничащем и с Казахстаном, и с Китаем, географические пропорции в большей степени соответствуют действительности. Таким образом, на геополитические представления всегда влияет региональное искажение пространства, которое сопоставимо с действием на структуру вселенной мифологического «Центра Мира», *Axismundi*, сакрализирующего пространство и «укрупняющего» его, т.е. повышающего и практическую, и символическую значимость. Так, региональная позиция массового геосознания обусловлена архетипическим стремлением располагать «свое» пространство в космогоническом центре, обладающем максимально конструктивной силой. Заметим, что региональная удаленность искажает геополитическое пространство не только стран-соседей, но и самих российских территорий. Очень часто для респондентов стираются все дифференциальные признаки регионов, находящихся в значительном отдалении от места их проживания, они могут даже сливаться в один, смешиваться и меняться местами. Например, жители Оренбурга располагают Сибирь в районе Крайнего Севера, не видят границ между территориями Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, европейская часть страны, к которой территориально относят себя оренбуржцы, изображается ими равной по размеру азиатской или даже больше нее. Нередки также случаи, когда путаница происходит по причине некоторого сходства звуковых образов названий каких-либо городов (например, Магадан и Мурманск), что, несомненно, объясняется тем, что подобные географические реалии функционируют в геосознании информантов в качестве знаков без референтов. Иными словами, бессознательно идентифицируются как принадлежащие «чужому», пространству, располагающемуся вдали от *Axismundi*, потому полностью деструктурируются, выпадают за пределы упорядоченного Космоса.

В то же время, в создаваемом пространственном дискурсе гиперболизирована роль политического центра и принижена значимость других его объектов, что проявляется, прежде всего, на уровне вербального кода: только столицы (Москва, Санкт-Петербург) всегда ассоциативно вписываются в историко-культурный контекст, в то время как региональные объекты имеют преимущественно природные и личностные коннотации (Краснодар – «море», Соль-Илецк – «курортный город», Самара – «красивый город, много зелени», Самара – «Волга, грязь, мусор», Астрахань – «друзья!!!» и т.д. Ср.: Санкт-Петербург – «север-

ная столица нашей страны, город с самой красивой историей», Санкт-Петербург – «интеллигенция, культура» и др.).

Одним из возможных денотатов реализации графического кода на картах являются линии *границ*. Границы являются социокультурной, а не природной реалией, и переданные с помощью средств графического кода – линий, они членят пространство, отделяя одни социокультурные общности от других. Линии, обозначающие творимые человеком реалии, которые бы выполняли роль средств связности геополитического пространства России и Евразийского континента, встречаются крайне редко. Речь идет, в первую очередь, о единичных случаях фиксации на картах железных, автомобильных дорог, авиапутей и др. средств, обеспечивающих связность топономического пространства. Вместо дорог средствами связности пространства становятся протяженные «линии» рек, т.е. природные объекты. При этом наблюдается тенденция гиперболизации размеров рек, которые могут одновременно связывать крайний север, юг, запад и восток страны. Таким образом, связность пространства обеспечивают природные (не социокультурные!) объекты.

Выведение на передний план собственно географических природных объектов, выполняющих данные функции, а не национальных, социальных и культурных свидетельствует о слабой связности социального пространства России. Пространство России видится информантам преимущественно дискретным (только несколько типов объектов имеют значение движения, континуальности, связывают точечные объекты (как правило, города) в единое пространство). Функционально дискретность пространства создается и естественными природными препятствиями в виде горных цепей, из которых наибольшую значимость имеют Уральские горы.

Топонома «Уральские горы» присутствует на всех картах из трех регионов, но соответствующий ему топоним отмечен не везде. Это свидетельствует о значимости Уральских гор как топономического объекта, выполняющего функцию членения географического пространства России. Значимость топономы «Уральские горы» проявляется в том, что информанты, живущие в Алтайском крае, относительно хорошо описывают пространство азиатской части России (до оз. Байкал) и плохо – ее европейской части. Информанты, живущие в Оренбургской области, относительно хорошо описывают пространство европейской части России и очень плохо ее азиатской части.

Т.е. Уральские горы – это важнейший компонент процесса геополитической самоидентификации. Таким образом, присутствующее на картах природное пространство рассматривается не в качестве самостоятельного, а вовлекается в социальный контекст. Социальное же пространство в силу уже указанной его потребительско-пассивной представленности в современном геосознании структурируется не с помощью органичных ему средств, а с опорой на стереотипные схемы, восходящие к архетипам организации пространства, что на графическом уровне воплощается с помощью знаков естественно-природного мира.

Подчеркнем в этой связи, что границы служат средством членения пространства, отделения «своего» мира от мира «чужого». Представления респондента о подобном разделении проявляются на двух уровнях: макроуровне (границы России и остального мира) и мезоуровне (границы «малой родины»). В этом смысле границы России оформляют пространство большой родины, а границы региона – малой родины.

Российская Федерация имеет государственные границы с 16 государствами и двумя частично признанными государствами. Со многими из них она имела богатую общую историю. Современная мировая политическая ситуация способствует некоторому разделению стран на партнеров / друзей и конкурентов / соперников. Однако на территории бывшего СССР такое разделение не может быть четким, что опять-таки закрепляется на уровне вербального кода полученных карт. Результаты ассоциативной части нашего эксперимента содержат многочисленные «следы» исторической памяти, например: «Финляндия, Украина – эти страны принадлежали России в недалеком прошлом», «Украина входила в состав СССР» и мн. др. Графический уровень интересен в данной связи тем, что на когнитивных картах отмечены 75 стран-соседей, 18 из них граничат с Россией в действительности.

Это свидетельствует о том, что геополитические возможности России, проявляющиеся в непосредственном влиянии на другие региональные державы, подменяют в сознании информантов реальные географические границы, причем перечень стран, на которые распространяется данное влияние, определяется на основании субъективно-личностных параметров. Этот факт, вероятно, говорит об «имперской природе» нашего национального самоосознания, напрямую обусловившего особенности создаваемого пространственного дискурса. Распад СССР, фактическая по-

теря лидерских позиций на международной арене не сказались на представлениях социума о геополитической роли России. Более того, существуют (в том числе в виде прецедентных текстов) устойчивые, транслируемые в социуме представления об «особом пути», «мессианстве», «грядущем возрождении» России, об «объединении вокруг России всего мира» и под.

Отделение России от «другого мира» всегда осуществляется через проводимую черту, обозначающую границу государства (в этом информанты полностью повторяют обозначения, принятые на географических картах). На полученных когнитивных картах границы России, как правило, выглядят более четкими, нежели границы других государств. Нам встретилось множество карт, на которых страны-соседи не имели четко обозначенной границы между собой – т.е. чужое пространство воспринимается респондентами как недифференцированное. Если границы внутри «чужого мира» все-таки маркировались, они подавались графически менее отчетливо и часто были не замкнуты. Меньшая заинтересованность в маркировании границ внутри чужого мира является значимой стратегией концептуализации «чужого мира», воспринимаемого в качестве «пространства хаоса», периферии вселенной.

На географическом мезоуровне испытуемые часто рисуют границы своего региона, выделяя его из фона пространства всей России, что согласуется с уже отмеченными тенденциями преувеличения размеров региона проживания и расположения его в центре карты (регионоцентричность). Таким образом, размеры, расположение и границы позволяют говорить о региональности, как о базовой когнитивной черте восприятия всего пространства России.

Уровень вербального кода полученных в процессе эксперимента когнитивных карт составили ассоциации / представления респондентов, связанные с выделенными топономами. Выраженные с помощью словесных знаков представления участников эксперимента дает нам дополнительную информацию о пространственном дискурсе, актуальном для современного массового геосознания.

Регионоцентричность, проявившаяся на графическом уровне, недвусмысленно поддерживается и ассоциациями респондентов. Как правило, отношение к собственной малой родине передается посредством по преимуществу положительных оценок. Например, к *Оренбургу*: «мой любимый город»; «город, где я родилась – самый

родной и любимый город»; «родной город – чистый, красивый, климат хороший; самый лучший город»; «родной город, семья, друзья»; «дом, детство, близкие люди, парное молоко, свежие булочки, баня, утренний лес»); к *Перми*: «родной любимый город»; «мой город»; «родной город, крайний европейский город» и др.); к *Бийску*: «родной город»; «родина»; «мой город, Наукоград»; «маленький уютный городок».

Кроме родного города, как мы уже отмечали, чаще всего упоминаются столицы Москва (1,0) и Санкт-Петербург (0,73). Историко-культурный контекст, в который всегда вписываются эти города, противопоставлен подчеркнuto личностным оценкам остальных регионов. В массовом геосознании поле культуры исключает из себя регионы и концентрируется преимущественно в двух столицах России. Автоматически респонденты как представители нестоличных областей и самих себя не рассматривают в качестве субъектов истории и культуры, что на уровне геосознания свидетельствует об игнорировании потенциала региональных объектов, о неверии в возможность их культурно-исторического развития. Однако «столичность», выходя за общекультурные рамки и попадая в поле индивидуально-личностных переживаний, приобретает негативный информационный отпечаток. Противостояние «столица – регион» воспринимается информантами как нечестный поединок, в котором у регионов изначально слабые позиции, а у столицы – незаслуженные преимущества. Так, например, часто негативно оценивают роль Москвы в структурировании общего российского пространства («кормится за счет регионов», «алчность» и пр.), причем чем более регион удален от столицы, тем выше степень критичности, в первую очередь, обусловленная, по мнению информантов, «паразитическим образом жизни» Москвы и москвичей. Таким образом, большая удаленность региона от геополитического центра имеет следствием повышенную критичность и более ярко выраженное стремление к независимости, автономности.

Тенденция, согласно которой представители регионов с пристальным вниманием относятся к локусам, имеющим более высокий административный статус, сохраняется и на уровне региональных территориально-административных единиц. Причиной же, обуславливающей появление на карте жителя региональной столицы других населенных пунктов этого региона, всегда является встроенность в собственное жизненное пространство. Например, в 52 % всех выделенных

пространственных объектов на когнитивных картах бийчан обозначен Барнаул, в то время как только на одной барнаульской карте отмечен Бийск. Но, как правило, восприятие «близкой столицы» не имеет той выраженной негативной оценочности, которая заметна в поле личностных смыслов, связанных в массовом сознании с Москвой: лишь один раз встретилась констатация «денег больше, чем в Бийске», которая может содержать имплицитное неодобрение. В основной же массе ассоциации бийчан, относящиеся к Барнаулу, либо вообще отсутствуют, либо нейтральны: «столица Алтайского края»; «главный город Алтайского края», – либо передают собственный опыт посещения этого города: «много друзей»; «отдых»; «ездили в больницу».

Так, личный опыт, эмоциональная вовлеченность респондента в процесс пространственной рефлексии является основным фактором дифференциации внутрirosсийского пространственного дискурса, культурно-историческая же память, как правило, актуализируется только относительно геополитических центров России и, в основном, противопоставляется эмоционально-личному опыту, связанному с образом столиц. На уровне региональных дискурсов историко-культурная память не действует, полностью вытесняется личностными смыслами.

Пространственная рефлексия о странах-соседах, окружающих Россию, напротив, в большей степени оказалась подчинена культурно-историческим, политическим и социальным стереотипам, личностные смыслы присутствуют здесь минимально. Более того, в пространстве геополитических ассоциаций идет активный процесс подмены личностных ценностей, подмены концептуального опыта ретрансляцией медийных стереотипов: в отношении государств-соседей ретранслируются стереотипы, создаваемые официальными СМИ.

Например, информанты из Оренбургской области показали следующие результаты: ассоциации, связанные с культурой присутствуют, в основном, у Китая (11 ассоциаций) и Японии (22 ассоциации). Культурные ассоциации сопровождаются ассоциациями историческими (в случае с Китаем и Японией – об истории самих государств: «древняя цивилизация», «бывшая колония», «большая семерка» и т.д.). Примечательным является тот факт, что страны, имеющие свою древнюю историю, по мнению респондентов, обладают и культурой. Заметим, что все это – страны Востока. Отдельного внимания заслуживают

ассоциации, связанные с такой восточной страной, как Казахстан. Представления о Казахстане, в основном, имеют личностную окраску, т.к. данная страна находится в непосредственной близости от Оренбурга. Это ощущается настолько, что вопреки официальным границам территория продолжает восприниматься в качестве «своей», если не в географическом понимании, то в ментальном. Ср. такие ассоциации: «я жила там, у меня была кукла-казах, звали Ермек»; «Кристина Г.» (имеется в виду конкретный человек, знакомый респондента. С точки зрения истории и культуры в случае с Казахстаном присутствуют ассоциации, связанные как с общей историей Казахстана и России, так и с самобытной историей государства: «государство, входящее в состав СНГ», «республика», «кочевники», т.е. испытываемые начинают транслировать известные стереотипы.

Что касается таких западных соседей России, как Белоруссия, Германия, Латвия, Литва, Украина и Эстония, то относительно них частотны ассоциации из категории «общая история». Ассоциаций, связанных с историей самих государств, с их самобытной культурой на картах нет. Зато нередко у информантов возникали политические ассоциации (деспотизм (1), Лукашенко (3), война 1941–1945 (1), Саакашвили (1), вооруженные конфликты (1), агрессор (1), Тимошенко (4), Ющенко (2), Рада (1), правительство (2), фашизм (1) и т.п.). Латвию и Литву массовое геосознание вообще не вписывает ни в какой контекст, кроме общей с Россией истории, хотя данный факт, скорее, свидетельствует об отсутствии знаний и представлений об этих странах у информантов.

На картах также достаточно часто присутствуют ассоциации, связанные с США. Общей истории с Россией информантами отмечено не было, ассоциации, как правило, указывали на недавнюю историю, на молодость государства (государство, образовавшееся всего 300 лет назад). При этом явно доминируют политические ассоциации отмечаются (Буш, Ирак, война).

В целом, представления о пространстве страны-соседа формируется у информантов под влиянием трех источников информации: собственного житейского опыта (и порождения смыслов, имеющих личностную природу), социально-культурных стереотипов (имеющих глубокие исторические корни) и медийной пропаганды (преследующей сиюминутные цели). При этом фактор медийной пропаганды зачастую является ведущим, он определяет эмоциональный «слой» концепта страны-соседа в нашем национальном сознании.

Полученный материал показывает масштабность осуществляемых манипуляций общественным мнением, в частности, для создания образа недружественного партнера из стран-соседей.

Показательно в этом отношении создание образа Украины. Конечно, с этой страной у многих имеются лично окрашенные смыслы с общей семантикой «родственных связей»: «там мои корни»; «здесь живут мои родственники»; «там живут мои родные». Но встречается гораздо больше ассоциаций / представлений, основанных на социально-культурных стереотипах, транслируемых в социуме. Данные стереотипы разбить на следующие группы:

1) особенности национальной кухни: «сало», «сало, горилка»; «сало, вареники»;

2) культурно-исторические особенности, достижения: Гоголь, Тарас Бульба;

3) особенности национального характера: «упрямство», «упрямые хохлы»; «красивые, добрые люди»;

4) социально-политические и экономические характеристики: «страна без собственного запаса как природных ископаемых, так и материальных запасов. Не имеющая своей политики, живущая за счет России»; «должники», «— И чего им всем надо? — Газу. Явно чего», «Заплати за газ!», «употребляет наш газ», «Тимошенко, Ющенко, газ ;)), «газ ворует», «постоянный должник, споры, ненависть к РФ», «наши враги».

В целом, представления о зарубежных странах, основанные на культурных коннотациях, напрямую связаны с историческими событиями и веками. Наличие у страны древней истории оценивается как наличие собственной культуры. Страны с относительно небольшой историей не имеют культурных коннотаций в массовом геосознании. Таким образом, концептуализация стран зарубежья происходит с опорой на аксиологию, характерную для традиционного общества. Однако отдельно отметим, что наличие общей истории с Россией, о которой помнят респонденты, практически всегда переводит концептуализацию страны-соседа в политическую плоскость, при этом культурные коннотации исчезают.

Итак, первичный обобщенный анализ результатов непрофессиональной пространственной рефлексии с использованием графической и вербальной знаковых систем позволил реконструировать основные черты пространственного дискурса, одновременно характеризующие и средне-статистические представления о современном мире, и особенности концептуализации пространств

ва массовым геосознанием. Сотворение пространства происходит в процессе противостояния личностных представлений (в том числе «присвоенных» знаков культуры и истории, перекодированных с помощью близкого информанту языка) с историко-культурными, историко-политическими, социальными стереотипами, нерелективно принятыми массовым сознанием извне, прежде всего под влиянием СМИ. При этом автоматизм пространственной рефлексии и, соответственно, максимальная концентрация масс-медиа стереотипов наблюдается при воссоздании внешнероссийского пространства; внутреннее пространство России (кроме столиц), напротив, почти лишено историко-культурных, социально-политических коннотаций и изоморфно «ландшафту» индивидуально-личностных смыслов респондентов.

В целом, личный пространственный опыт является источником индивидуально-творческой дифференциации и структуризации пространственного дискурса, укрупнения или уменьшения масштабов, расставления ценностных акцентов, увеличения объектов пространственного внимания, личностные же смыслы становятся основой для обнаружения векторов или тупиков развития пространственного дискурса, актуализирующегося на современном этапе. Транслируемые же пространственные стереотипы имеют культурно-историческую и социальную природу, стандартизированы и, в силу того, что они не являются результатом непосредственной мыслительной деятельности респондентов, нельзя считать их порождением массового геосознания и, следовательно, рассматривать их в качестве источника информации об актуальном состоянии пространственных представлений общества. В данном контексте, соотношение личностных и стереотипных интенций во время пространственной рефлексии дает возможность оценить потенциал развития пространственного дискурса, порожденного общественным геосознанием, и степень активности геосознания, вовлеченности и заинтересованности его в формировании мира вокруг себя.

Исследование показало, что личностная активность респондентов наблюдается при осмыслении пространства России, областей, в которых информанты родились, живут и посещали сами, однако она очень слаба, имеет потребительскую, а не преобразовательно-творческую направленность, однообразна и практически совсем не задействует собственный потенциал и потенциал регионов как агентов культуры и истории. Кажущееся разнообразие природных реалий, которые

изображались на когнитивных картах, практически полностью нейтрализуется малым количеством этих реалий и тем, что они механистично встраиваются в социализированное, «обжитое» человеком пространство. Природные реалии не столько преобразуют и обогащают воссоздаваемый пространственный дискурс, сколько берут на себя роль компонентов, связывающих между собой социальные топосы. Очевидно, природное пространство бессознательно воспринимается как нечто цельное и непрерывное внутри российских границ, потому автоматически объединяющее собой все части страны. Собственно же человеко-размерные способы преодоления дискретности социального пространства массовым геосознанием игнорируются, возможно, вследствие малой осведомленности о них, а также незначительной роли, которую играют они в современном пространственном самоосознании общества. Так, пространство России максимально социализировано и максимально же разрозненно. Связность пространственного дискурса обеспечивается не только с помощью природных объектов, но и подкрепляется социально-культурными стереотипами, идеологемами, т.е. смысловыми образованиями, внеличного происхождения (вспомним ассоциации, связанные с Дальним Востоком, который воспринимают исключительно в контексте вторжения иностранных «интервентов», а не как самоценный территориально-культурный объект).

Пространство российских столиц структурно противоречиво, т.к. построено на противоречии культурно-исторических и личностных интенций, сочетающихся в процессе пространственной рефлексии. Причем личностные смыслы, особенно связанные с Москвой, как правило, имеют негативный характер, как бы аннулируют ценность всех культурных достоинств геополитического центра, вынося их за пределы личностных актуальных ценностей. Так, личностное пространство не просто противопоставлено культурно-историческому, но не имеет точек соприкосновения с ним, потому личностно окрашенный облик какого-либо места в процессе пространственной рефлексии может не совпадать с культурно-исторической оценкой того же места. Внешнероссийский же мир весь организован на основе стереотипов разного рода, которые подменяют личностные основы пространственной организации в массовом геосознании.

В данном контексте можно отметить черты современного массового геосознания и процесса воссоздания пространственного дискурса. С од-

ной стороны, очевидно, что механизмы восприятия и структурирования пространства имеют архетипическую природу, подчинены древним схемам организации вселенной с делением мира на свой, упорядоченный, светлый, мир космоса и чужой, неструктурированный мир хаоса, темный и враждебный. С другой стороны, большая доля пространственного дискурса принадлежит культурным, социальным, политическим стереотипам, которые предоставляют в распоряжение не столько схемы мышления, сколько результаты мыслительной деятельности, делая ее саму необязательной. И наконец, отдельная составляющая пространственного дискурса приходится на трансляцию личностных смыслов, возникших в результате непосредственного включения описываемых объектов в жизненное пространство респондентов. Из соединения этих трех источников вырастает пространственный дискурс, который имеет отношение не только к прошлому и настоящему страны, но и к ее будущему (реконструированная нами обобщенная когнитивная карта одновременно становится как бы проектом будущего). На основе выделенных тенденций, полученных в результате анализа пространственно-региональных и социальных точек зрения, можно предположить высокую вероятность негативного сценария развития данного проекта.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
- Баранов Д.А., Белоусов К.И., Влацкая И.В., Зелянская Н.Л.* Система графосемантического моделирования. М.: Свидетельство о государственной регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ № 20111617192 от 15.09.2011.
- Белоусов К.И., Зелянская Н.Л.* Моделирование понятийного потенциала термина заглавие // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 4 (8). С. 62-71.
- Белоусов К.И., Зелянская Н.Л.* Имидж и его лингвистическая реконструкция // Маркетинг в России и за рубежом. М.: Финпресс, 2009. № 6 (74). С. 55-65.
- Белоусов К.И., Зелянская Н.Л.* Лингвопсихология и мониторинг Интернета (Интернет-аудитория о «паспорте здоровья школьника») // Практический маркетинг. М., 2010. № 12 (166). С. 22-40.
- Белоусова А.И.* Фреймовая модель как способ структурирования ономастического концепта «Россия» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 3. С. 1-6.
- Гириц К.* Интерпретация культур. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
- Грузберг Л.А.* Фатическая география // Проблемы динамической лингвистики. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2010. С. 162-164.
- Замятин Д.Н.* Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетей, 2003.
- Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И.* Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М.: Институт наследия, 2008.
- Калашикова Н.Б.* Образ Московии XVII века в записках голландского путешественника // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2009. № 1. С. 63-71.
- Кашина М.А., Дмитрикова Е.В.* Образ политика в российских СМИ: гендерный аспект // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 122-136.
- Красильникова Н.А.* «В плену у русского медведя», или Современная Россия в метафорах британских и американских СМИ // Политическая лингвистика. Вып. (1) 21. 2007. С. 92-97.
- Куданкина О.А.* Россия и Германия: сравнительный анализ (на материале российских СМИ) // Политическая лингвистика. 2006. № 18. С. 85-91.
- Куликов Д.В.* Некоторые структуры обыденного мышления // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3 (№ 1). С. 17-20.
- Линкова Я.С.* Образ России и русских в «Путешествии в Россию» Теофиля Готье // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2010. № 1. С. 73-78.
- Литвинова Е.А.* Метафорический образ России во французском политическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. 2009. № 1. С. 47-49.
- Нахимова Е.А.* Имена русских царей как прецедентное поле в современных российских СМИ // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 2. С. 12-19.

Ощепкова Е.С. Исследование образа России на примере социальной сферы // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 74-85.

Психология. Словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2 изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

Тарасов Е.Ф. Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 69-73.

Ярулин И.Ф. Россия XXI века. Эра новых регионов // Пространственная экономика. 2005. № 3. С. 148-157.

Cosgrove D. Geography and vision: seeing, imagining and representing the world. L.: International Library of Human Geography; I.B. Tauris, 2008.

Duncan J., Duncan N. (Re)reading the Landscape. Environment and Planning // Society and Space. 1989. V. 6. P. 117-126.

Kitchin R.M. Increasing the Integrity of Cognitive Mapping Research: Appraising Conceptual Schemata of Environment-Behavior Interaction // Progress in Human Geography. 1996. V. 20. № 1. P. 56-84.

Tuan Yi-Fu Humanistic Geography // Annals of the Association of American Geographers. 1976. V. 66. № 2. P. 266-276.

K.I. Belousov, N.L. Zelyanskaya

LINGVOSEMIOTIC MODELING OF THE ORDINARY GEOGRAPHICAL WORLDVIEW

The paper studies the geographical naive worldview on the material of “naive” maps of Russia made by the informants from several Russian regions. Lingvosemiotic approach to the description of the material produced the results based on the analysis of two codes: graphic (location, size, toponym, etc.) and verbal (verbalized representations). The study provided new knowledge about the importance of the regional factor, the ratio of the natural and social, the correlation of self and other’s worlds, etc. in ordinary consciousness.

Key words: ordinary everyday consciousness, naive worldview, naive cartography, cognitive geomapping, graphosemantic modeling, Semograph, lingvosemiotics